ДЕРВЯНОВЪ.

1839 года въ февралѣ мѣсяцѣ, Уральскаго войска отставной казакъ Потапъ Дервяновъ, съ казачьимъ малолѣткомъ Епифаномъ Джандинымъ и работникомъ изъ Киргизовъ, Тюбетомъ Барановымъ, были на аханномъ рыболовствѣ, на Каспійскомъ морѣ. Сначала ставили они аханы свои поблизости другихъ промышленниковъ; но скоро, по худому залову, отдѣлились и стали подаваться по льду все далѣе и далѣе на глубину. Ледъ казался всюду крѣпкимъ, погода стояла хорошая, опасности до времени ни какой не предвидѣлось. Съ окончаніемъ времени промысла, прочіе рыбаки всѣ благополучно возвратились въ Гурьевъ городокъ, на устья Урала; но Дервяновъ съ товарищами не возвращались; никто не зналъ, куда они дѣвались, и потому всѣ трое показаны были, по донесеніямъ, пропавшими

безвѣсти. Но 30 марта астраханскій мѣщанинъ Иванъ Евдакимовъ Овчинниковъ представилъ въ красноярскій земскій судъ казака Дервянова и работника Тюбета Баранова, которыхъ спасъ отъ гибели на морѣ. Вотъ собственное показаніе Дервянова, которое, по всѣмъ справкамъ, оказалось вѣрнымъ:

«Зовутъ меня Потапомъ, Никитинъ сынъ, Дервяновъ; отъ–роду мнѣ 66 лѣтъ; вѣры я православной; войска Уральскаго отставной казакъ; грамотѣ не знаю, проживаю въ Гурьевѣ.»

«Когда выѣхали мы, съ Джандинымъ и Барановымъ, на аханное рыболовство, въ началѣ февраля, то держались сначала лѣвой стороны уральскихъ устьевъ; но вскорѣ, по плохому залову, переѣхали мы на саняхъ на правую сторону, гдѣ и выбивали порядки*) на трехсаженной глубинѣ, а отъ черней) верстахъ въ тридцати, или болѣе, моряной***) ледъ видно мѣстами уже взломало и откололо, но**

*) Ставили рыболовныя сѣти.
**) Отъ береговъ; черни — это берега.
***) Вѣтромъ съ моря.

далеко за нами, въ–тылу, и мы того не замѣтили. Потомъ поднялся ночью около 20 числа верховой, береговой вѣтеръ — и насъ унесло въ море. Однако на другой день моряной опять сдвинуло ледъ и насъ принесло почти къ старому мѣсту; мы сѣли верхомъ и поѣхали всѣ трое отыскивать аханы****) свои, которые унесло льдомъ. Переѣзжая взломы льда въ разныхъ направленіяхъ, мы аханов не нашли, а захватила насъ ночь и верховой погодой опять унесло въ море. Въ открытомъ морѣ плавали мы на льдинѣ 17 дней; сани были съ нами, и хлѣбъ былъ, только сталъ уже приходить къ концу. Тутъ принесло насъ опять нѣсколько ближе къ берегу, на 4–хъ саженную глубину; но унесло, какъ мы замѣчали по вѣтрамъ, далеко на западъ, къ Астрахани. Морозы стали сильнѣе, льдины стали связываться и застывать и мы успѣли кой–какъ добраться на саняхъ до 3–хъ саженной глубины, то есть верстъ на тридцать отъ береговъ. Тутъ сдѣлалась оттепель; такъ какъ это было уже къ концу

****) Аханы — рыболовныя сѣти.

марта, то ледъ сталъ рушиться и пропадать подъ нами и огромныя маины окружали насъ съ всѣхъ сторонъ. Съ трудомъ держались мы еще на своей льдинѣ, видѣли смерть подъ собою и уже болѣе двухъ недѣль сидѣли безъ хлѣба. Въ одно утро увидѣли мы вдалекѣ мужду льдовъ кусовую посуду, стали махать и подымать на оглобляхъ одежду свою; наконецъ насъ увидали и къ намъ подъѣхала маленькая лодочка съ двумя гребцами–Калмыками. Они называли себя тюленьщиками, изъ селенія Островнаго, и говорили, что они сами въ бѣдственномъ положеніи, что и ихъ носитъ уже цѣлый мѣсяцъ во льдахъ. Сколько мы ни просили ихъ сжалиться надъ нами — взять насъ съ собой, но они отговаривались тѣмъ, что сами давно уже сидятъ безъ хлѣба, не знаютъ что дѣлать, и потому насъ взять не хотѣли и даже ко льдинѣ нашей не приставали, а держались вдалекѣ. Однакоже малолѣтокъ Джандинъ кинулся въ воду и насильно влѣзъ къ нимъ въ лодку; они же, опасаясь, чтобы и мы не вздумали сдѣлать то же, ударили въ висла и

вскорѣ отъ насъ скрылись. Мы же съ Тюбетомъ и съ парою коней остались въ прежнемъ гибельномъ положеніи. Льдина наша была уже не длиннѣе 25 саженъ, и часъ–отъ–часу крошилась болѣе и болѣе отъ тепла и отъ волненія. Предвидя неминучую гибель свою, мы долго совѣтовались вдвоемъ, какъ бы спастись отъ вѣрной смерти, и придумали, наконецъ, вотъ что: зарѣзавъ обѣихъ лошадей, которыя отощали до того, что едва были живы, мы сняли съ нихъ шкуру дудкой, то есть, цѣликомъ, мѣшкомъ, не распарывая вдоль; потомъ зашили ихъ, завязали, какъ могли, и надули. Потомъ подвели мы два бурдюка эти подъ полозья однихъ саней, привязали накрѣпко, спустили на воду и помолились Богу, когда увидали, что сани съ бурдюками и сами плаваютъ, да еще и насъ обоихъ хорошо держатъ на водѣ. Съ нами былъ и топоръ и веревки; мы сейчасъ придѣлали къ санямъ изъ оглобель весла, взяли съ собой одежду, по куску сырой конины, чтобы не пропасть съ–голоду, сѣли по колѣни въ воду и стали грести изо всей

силы къ берегамъ, на севѣръ. Пять дней и пять ночей плавали мы такимъ образомъ на саняхъ и на бурдюкахъ; то приносило насъ вѣтромъ на видъ бирега, то опять уносило. Сколько разъ выбивались мы изъ силъ и бросали висла изъ рукъ, ожидая спокойно конца; но на шестой день увидали въ сторонѣ кусовую, пустились на самодѣлковомъ кораблѣ своемъ къ этому судну, гребли, сколько силъ есть, все утро до самаго полудня, и наконецъ благополучно достигли ее и были приняты астраханскимъ мѣщаниномъ Овчинниковымъ, который вышелъ уже на весну въ море на рыболовство.»

«Всего въ относѣ насъ держало, то есть носило на льдинѣ по морю слишкомъ пять недѣль; сначала кормились мы хлѣбомъ изъ своего запаса, а потомъ уже зарѣзали третью лошадь и ѣли мясо. Ледъ сдѣлался подъ конецъ уже такъ мягокъ и рыхлъ, что нога проламывалась; а на другой или третій день послѣ того, какъ мы пустились по морю на саняхъ, истерло его весь и изломало. Не придумай мы своей хитрости,

да не помоги намъ Господь, давно бы насъ и на свѣтѣ не было. Чего натерпѣлись мы безъ пищи, на морозѣ, а тамъ пятеро сутокъ и по колѣни въ водѣ — объ этомъ и говорить нечего; благодаря Бога, что вынесъ насъ и даровалъ, противъ всякаго чаянія, еще пожить на свѣтѣ.»

Безъ Бога, ни до порога: но за Бога держись, а самъ не оплошай.

Удаль молодецкая изъ одной только могилы не выноситъ; а изъ огня, изъ воды вынесетъ.

Коли самъ не обсушишься, такъ за тебя и родной братъ на печь не полѣзетъ.